

ЧТЕНИЯ

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ НЕСТОРА ЛЪТОПИСЦА.

—
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Издана подъ редакцією Н. П. Даинеевіца.

Кievъ.

Типографія В. І. Завадзкаго. Б.-Васильковская, д. № 29—31.

1890.

ОТДѢЛЪ II.
ИЗСЛЕДОВАНИЯ.

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСКУРСИИ ВЪ ПРИПЕТСКОЕ ПОЛЪСЬЕ.

Согласно раньше составленному мною плану, одобренному С.-Петербургской Императорской Археологической Комиссіей, свои лѣтнія археологическія разысканія я на этотъ разъ направилъ въ Мозырскій уѣздъ Минской губерніи, т. е. въ одинъ изъ уголковъ знаменитаго Припетского Полѣсъя. Край этотъ по многимъ причинамъ долженъ привлекать особенное вниманіе археолога. Серьезное археологическое значеніе Полѣсъя обусловливается его экономическимъ состояніемъ въ то отдаленное отъ нась время, къ которому возносится пытливый взоръ археолога. Современному полѣшку средства къ жизни главнымъ образомъ доставляютъ два источника: лѣсной промыселъ и земледѣліе. Но при сильномъ опустошениі помѣщичьихъ лѣсовъ и при скучной песчано-болотистой почвѣ оба эти источника весьма слабо вознаграждаютъ трудъ человѣка, а поэтому общее экономическое состояніе современного Полѣсъя не можетъ быть признано завиднымъ. Въ другомъ положеніи находился этотъ край въ то далекое время, съ которымъ имѣеть дѣло археологъ. Избалованные желѣзными, шоссейными и хорошо проложенными почтовыми дорогами, мы, пока не проведена была полѣсская желѣзная дорога, привыкли смотрѣть на Полѣсъе какъ на глухое, мало доступное, захолустье, сообщеніе котораго съ остальнымъ Божиимъ міромъ крайне затруднительно. Не такъ смотрѣли наши предки въ ту отдаленную эпоху, когда главнымъ, если не единственнымъ, путемъ сообщенія были рѣчные системы. Прорѣзанное многоводною, богатою притоками, Припетью, Полѣсъе находится въ непосредственной связи съ Днѣпромъ; а по Днѣпру, какъ известно, шель знаменитый путь изъ

Варягъ въ Греки, служившій проводникомъ торговли Скандинавскаго сѣвера, громаднаго при-Днѣпровскаго бассейна и сосѣднихъ съ нимъ областей съ единственной представительницей въ свое время древней греко-римской культуры—Византіей. Богатая золотомъ, дорогими павлаками, виномъ и другими продуктами высшей культуры, Византія сильно нуждалась въ естественныхъ произведеніяхъ природы, которыми въ свою очередь богаты были находившіяся въ торговыхъ сношеніяхъ съ нею варварскія страны, между которыми самое видное мѣсто занимала наша Русь. Великій князь Киевскій Святославъ Игоревичъ, перечисляя предметы торговли, которые изъ разныхъ странъ сходились „въ Переяславци на Дунаи“, замѣчаетъ: „изъ Руси же скора (мѣха) и воскъ, медъ и челядъ“. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ Полѣсьемъ и его природой, тотъ легко пойметъ, въ какой степени оно должно было изобиловать встарину доставлявшимъ мѣха пушнымъ звѣремъ, воскомъ и медомъ: бобръ, куница, выдра, лисица, хорекъ, рысь, бѣлка, волкъ, медвѣдь, барсукъ, кабанъ, дикая коза, лось, а встарину и туръ, вѣроятно и зубръ—всѣ эти породы дикаго звѣря и по настоящее время составляютъ предметъ охоты полѣшку; о пчеловодствѣ и говорить нечего: для его пропаганія здѣсь со стороны человѣка требуется весьма немногое. Прибавьте къ этому наполняющія лѣса и болота миріады птицъ, доставляющихъ полѣшку несмѣтное количество яицъ и вкуснаго мяса, обилие рыбы, и легко поймете, какъ много было въ Полѣсси такого, что должно было привлекать сюда мало-культурнаго славяно-руссa. Не забудемъ также, что лѣса, рѣки, озера, болота, благодаря своей недоступности, по свидѣтельству такихъ древнихъ писателей какъ Іорнандъ и императоръ Маврикій, вообще были излюбленными мѣстами поселеній не отличавшихся дикою воинственностью славянъ, искавшихъ въ этихъ укромныхъ уголкахъ естественной защиты отъ болѣе дикихъ и беспокойныхъ сосѣдей. Необходимо, наконецъ, принять во вниманіе и то, что исторія не помнить, чтобы въ Полѣсси когда-нибудь жилъ какой-нибудь не славянскій народъ, а по этому здѣсь скорѣе чѣмъ гдѣ-нибудь можно встрѣтиться съ памятниками чистой славяно-русской народности. Въ виду сказанного не трудно понять, какой серьезный интересъ должно возбуждать Полѣсье у археолога, болѣе или менѣе широко понимающаго свою задачу. Во-простъ только въ томъ: вполнѣ ли соответствуютъ эти ожиданія дѣй-

ствительности? Собранныя волостными правленіями и отчасти мною лично провѣренныя, свѣдѣнія о количествѣ городищъ и кургановъ въ этомъ краѣ позволяютъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Дѣйствительно, Полѣсье, какъ и вообще Минская губернія, отличается особеннымъ богатствомъ памятниковъ сѣдой старины: говоря приблизительно, въ Минской губерніи насчитывается до 30 тысячъ кургановъ и до тысячи городищъ. Особенаго вниманія заслуживаютъ обиліе и сравнительная густота городищъ: въ Скриголово-Слободской, напр., волости (Мозырскаго уѣзда) ихъ считается 4, въ Комаровической—7, въ Лучицкой—9 и т. д. Нужно помнить, что каждое такое городище служило своего рода крѣпостью, около которой ютился одинъ или нѣсколько поселковъ, находившихъ въ ней защиту для себя и своего имущества. Любопытно то, что нѣкоторыя городища расположены въ такихъ глухихъ и мало доступныхъ дебряхъ, что туда, казалось бы, и черному ворону костей не слѣдовало бы заносить. Что касается, далѣе, здѣшнихъ кургановъ, то изучающему ихъ археологу прежде всего бросается въ глаза слѣдующій фактъ. Отдельные могильники здѣсь встрѣчаются сравнительно часто; но количество кургановъ въ каждомъ могильнике весьма незначительно: могильниковъ въ нѣсколько сотъ кургановъ въ рассматриваемой мѣстности мнѣ не приходилось встрѣчать. Большая часть здѣшнихъ могильниковъ состоитъ изъ одного-двухъ-трехъ десятковъ кургановъ, что справедливо и относительно большинства могильныхъ группъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Минской губерніи. Такіе могильники, какъ, напримѣръ, Маховскій (Лоевской волости Рѣчицкаго уѣзда), въ которомъ насчитывается до 620 кургановъ, встречаются не часто. Нужно помнить, что многіе изъ здѣшнихъ кургановъ расположены въ мѣстностяхъ, покрытыхъ многовѣковыми лѣсами, и поэтому нѣть основанія предполагать, чтобы часть ихъ когда-нибудь была распахана или вообще уничтожена. Этотъ фактъ заслуживаетъ особенаго вниманія нашихъ историковъ; онъ показываетъ одно изъ двухъ: или наши предки въ до-христіанскую эпоху жили ничтожными поселками, родами въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, или они не любили долго оставаться на одномъ мѣстѣ и, ведя полубродячую жизнь, перекочевывали съ мѣста на мѣсто. Признаніе послѣдняго факта нѣсколько не противорѣчить тому общепризнанному мнѣнію, что славяне, какъ народъ по преимуществу земледѣльческій, искона вели

осѣдлый образъ жизни. Дѣло въ томъ, что расчищаемая изъ-подъ лѣса почва, при невысокомъ ея качествѣ, скоро пустѣла и требовала новой расчистки, часто требовавшей и перемѣны мѣста жительства. Этого же требовалъ и охотничій промыселъ: звѣрь не любить оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ его постоянно беспокоятъ.

Курганы Припетскаго Полѣсъя сохранились далеко не въ блестящемъ видѣ, что особенно слѣдуетъ сказать о ихъ внутреннемъ содержаніи; причиною этого обстоятельства служитъ характеръ мѣстной природы, которую можно охарактеризовать словами: лѣсъ, вода, песокъ и болото. Насыпь кургана, сооруженная изъ сыпучаго песку, легко расплывается, а расплываясь она естественно увлекаетъ за собою и то, что внутри ея содержится. Это первая причина того, почему въ здѣшнихъ курганахъ костяки не всегда находятся въ порядкѣ. Второю причиною этого явленія служатъ корни деревьевъ: послѣдніе, переплетая курганъ въ нѣсколькихъ ярусахъ, приводятъ внутреннее его содержаніе въ полнѣйший беспорядокъ; не говорю уже о томъ, что обиліе корней, принадлежащихъ часто вѣковымъ деревьямъ, составляетъ серьезное затрудненіе при раскопкѣ насыпи. Вотъ почему при изслѣдованіи здѣшнихъ кургановъ археологъ съ большою осторожностью долженъ относиться къ измѣренію длины кости, къ опредѣленію взаимнаго положенія его частей, напр., головы, рука и т. д. При несоблюдении такой осторожности въ дневникѣ можетъ оказаться много фальшивыхъ данныхъ и вообще разнаго рода несообразностей, могущихъ породить въ наукѣ недоразумѣнія и послужить основаніемъ для невѣрныхъ выводовъ. Третьимъ врагомъ археологии въ Полѣсъи является сырость почвы. Область системы рѣки Припети, какъ известно, составляетъ котловину, поверхность которой подымается еле на $22\frac{2}{3}$ сажени надъ уровнемъ воды въ Балтійскомъ морѣ. Къ тому же славяне, какъ замѣчено было, старались селиться у рѣкъ, озеръ, болотъ, т. е. въ мѣстахъ особенно низменныхъ, а поэтому и оставленные ими могильники находятся тоже въ мѣстностяхъ по преимуществу низменныхъ, чѣмъ они отличаются отъ кургановъ южныхъ степей, занимающихъ почти всегда возвышенное положеніе. Многіе изъ здѣшнихъ могильниковъ въ весеннее половодіе совершенно покрываются водою. Не удивительно поэтому, что среди здѣшнихъ кургановъ попадаются такие, въ которыхъ на днѣ погребальной ямы встрѣчается настоящая грязь.

Послѣдній фактъ не лишенъ нѣкотораго археологическаго значенія. Болотистая мѣстность требовала, чтобы покойниковъ хоронили или на почвенномъ слоѣ, или даже выше поверхности земли—въ насыпи кургана, какъ дѣйствительно и практиковалось у нѣкоторыхъ русскихъ племенъ. Вотъ почему, когда, не смотря на такое обиліе въ почвенномъ слоѣ влаги, признавалось все-таки необходимымъ хоронить покойниковъ въ ямахъ, дно которыхъ опускалось почти до уровня появленія подпочвенной воды, то представляется весьма вероятнымъ, что такое или иное положеніе покойника относительно поверхности земли не было дѣломъ простой случайности; напротивъ, оно, повидимому, требовалось самимъ характеромъ погребального обряда, практиковавшагося у даннаго племени. Этотъ фактъ необходимо помнить при установкѣ критерія для классификаціи кургановъ славяно-русскихъ племенъ по типамъ.—Обиліе сырости въ курганахъ неизбѣжно должно было сопровождаться сильнымъ разложениемъ ихъ внутренняго содержанія. Дѣйствительно, здѣсь не трудно встрѣтить курганъ, въ которомъ отъ погребального обряда сохранились лишь ничтожные слѣды, смыслъ которыхъ можетъ понять только опытный археологъ: не только деревянные гробы и находившіеся въ нихъ костики въ такихъ курганахъ исчезаютъ почти безслѣдно, оставляя послѣ себя лишь болѣе или менѣе темныя пятна; но даже и отъ желѣзныхъ гвоздей, которыми сколоченъ былъ гробъ, часто остаются лишь ничтожные остатки желѣзной окиси. А между тѣмъ изъ такъ называемыхъ скиѳскихъ кургановъ южныхъ степей, насыпанныхъ нерѣдко за нѣсколько вѣковъ до Рожд. Христова, слѣдовательно гораздо раньше нашихъ кургановъ, приготовленные изъ желѣза предметы, каковы напримѣръ мечи, наконечники копій, лошадиные удила и др., добываются въ сравнительно очень не дурной сохранности. Въ виду сказаннаго понятно, что большая или меньшая степень сохранности костяка и находящихся при немъ предметовъ погребального обряда для данной мѣстности не можетъ служить основаніемъ при дѣленіи кургановъ на болѣе и менѣе древніе, такъ какъ внутреннее содержаніе болѣе поздняго по времени кургана, насыпаннаго на возвышенномъ мѣстѣ, могло сохраниться до нашего времени въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ содержаніе кургана древнѣйшаго, насыпаннаго въ мѣстности низменной, болотистой.

Настоящія свои разысканія я сосредоточилъ въ средней полосѣ

р. Припети и произвелъ раскопки въ районѣ треугольника, основаниемъ котораго служитъ линія, соединяющая Мозырь съ Туровомъ (оба на р. Припети), а вершина его упирается въ знаменитое Князь-или Жидъ-Озеро. Центральная полоса Припети, какъ о томъ можно судить на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, служила пунктомъ, гдѣ сходились два славяно-русскихъ племени: съ юга къ ней тянули Древляне, съ сѣвера къ ней прилегала область Дреговичей. Чтобы познакомиться съ типомъ погребального обряда обоихъ этихъ племенъ и опредѣлить линію ихъ взаимнаго соприкосновенія, я произвелъ раскопки на обоихъ берегахъ Припети.

На правомъ, южномъ, берегу этой рѣки произведены разысканія въ слѣдующихъ пунктахъ.

Возлѣ деревни Борисковичъ Скриголово-Слободской волости изслѣдованы два могильника въ урочищахъ: *Городзинка* и *Курганы*. Городзинка лежитъ на правомъ берегу небольшой рѣчки Туры на сравнительно недавно расчищенномъ изъ-подъ лѣса полѣ. Всѣхъ кургановъ въ этой группѣ можно насчитать до 15; на тѣхъ изъ нихъ, которые больше распаханы, видны слѣды пережженныхъ костей и древеснаго угля. Самый большій курганъ этой группы возвышается надъ поверхностью земли на 1 арш. 12 вершковъ при 52 арш. окружности; но есть и такие, которые еле поднимаются надъ почвеннымъ слоемъ. Въ Городзинскомъ могильникѣ мною раскопано 6 кургановъ. Во всѣхъ ихъ въ насыпи кургана, т. е. насколько выше почвенного слоя, обнаружены явные слѣды кострищъ, образовавшихся вслѣдствіе *трупосожжения*. Хотя въ двухъ курганахъ найдены черепки отъ глиняной посуды, тѣмъ не менѣе нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы въ настоящемъ могильникѣ практиковался обычай собирать пепель сожженаго покойника въ урну, какъ это, напр., встречается въ нѣкоторыхъ Сѣверянскихъ могилахъ.

Урочище Курганы расположено къ востоку отъ д. Борисковичъ, тогда какъ Городзинка лежитъ къ западу. Нужно замѣтить, что д. Борисковичи дѣлится на два поселка, причемъ одинъ изъ нихъ, расположенный къ востоку, носитъ даже особое название—Бояры. Такимъ образомъ каждый изъ двухъ поселковъ имѣть при себѣ отдельную группу кургановъ. Урочище Курганы лежитъ на правомъ берегу впадающаго въ Туру небольшаго безыменнаго ручейка, на полѣ, тоже сравнительно недавно расчищенномъ изъ-подъ лѣса.

Кургановъ въ этомъ могильникѣ можно насчитать около 15; но всѣ они сильно распаханы; болѣе значительные изъ нихъ подымаются не выше 1 аршина надъ поверхностью земли; окружность основанія тоже не превышаетъ 30 аршинъ. Мною раскопано 7 кургановъ. Въ этомъ могильникѣ обрядъ погребенія характеризуется положеніемъ покойниковъ относительно поверхности земли: здѣсь костяки оказались лежащими въ ямахъ, глубина которыхъ опредѣляется положеніемъ слоя красной глины; въ настоящемъ случаѣ слой этотъ оказался на глубинѣ 1 аршина и 3 вершковъ.

Въ сосѣдствѣ съ тою же деревнею Борисковичи, въ разстояніи около двухъ верстъ къ сѣверу отъ уроцища Городзинка, возлѣ хутора Прудокъ, одиноко стоялъ курганъ, имѣвши 1 арш. 9 вершк. въ вышину, при окружности въ 32 аршина. Въ разстояніи около полуторы версты къ сѣверо-востоку отъ этого кургана расположены другой приблизительно такой же по объему. Древность насыпи первого кургана опредѣляется находившимся на немъ пнемъ многовѣковаго дуба. Будучи раскопанъ мною, курганъ этотъ оказался безъ всякаго содержанія. Очевидно, онъ принадлежитъ къ категоріи кургановъ, назначенія которыхъ еще не успѣла опредѣлить наша археология. По моему мнѣнію, настоящій курганъ скорѣе можетъ быть отнесенъ къ категоріи пограничныхъ, чѣмъ сторожевыхъ.

Направляясь вверхъ по теченію Припети, изъ д. Борисковичъ я перенесъ свои разысканія въ с. Скриголовскую Слободу, откуда произвелъ раскопки въ двухъ могильникахъ, расположенныхъ въ уроцищахъ: Туровское болото и Городокъ. Первое изъ нихъ находится въ 4 верстахъ къ западу отъ Слободы по дорогѣ, ведущей въ дер. Казимировку. Находящійся здѣсь могильникъ расположенъ въ сосновомъ бору на краю значительной болотистой поляны. Кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитывается свыше 30-ти. Форма ихъ—правильный полукругъ. Почти всѣ они окружены рвомъ полнымъ или прерывающимся. Въ послѣднемъ случаѣ ровъ превращается въ рядъ ямъ, въ расположениіи которыхъ трудно отыскать какую-нибудь правильность и симметричность. При внимательномъ наблюденіи нельзя не замѣтить, что рвы эти образовались при сооруженіи могильныхъ насыпей и имѣли цѣлью предохранить мѣсто погребенія отъ вліянія сырости. Высота самыхъ значительныхъ кургановъ не превышаетъ двухъ аршинъ, имѣя въ окружности не больше 45 ар-

что послѣдніе два кургана, представляя отдельный типъ погребенія, занимаютъ въ могильникѣ одинокое положеніе. Фактъ этотъ не случайный: позволительно думать, что послѣдніе два кургана принадлежали иноzemеннымъ пришельцамъ, которые не захотѣли смышиваться съ туземцами ни въ обрядѣ, ни въ мѣстѣ погребенія. Выводъ этотъ можетъ имѣть важное значеніе при установкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ.

Продолжая двигаться въ томъ же западномъ направленіи, я изъ м. Скриголова перѣхалъ въ дер. Глиницу, въ двухъ верстахъ отъ которой находится могильникъ, лежащій между проточнымъ озеромъ съ одной стороны и болотомъ—съ другой. Мѣстность, занимаемая могильникомъ, до того низменна, что въ весеннее половодіе совершенно заливается водою, чѣмъ объясняется почти совершенное разложеніе костяковъ въ могилахъ. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильнику насчитывалось больше 50; но лѣтъ пять тому назадъ около 35 лучшихъ изъ нихъ раскопаны были графомъ И. Тышкевичемъ. Внимательный осмотръ послѣднихъ обнаружилъ, что эта раскопка произведена была съ непростительною для археолога небрежностью: провѣрочная раскопка показала, что при первой раскопкѣ конечною цѣлью ставилось, повидимому, лишь отысканіе головы, возлѣ которой предполагалось найти предметы украшенія. Мною въ этомъ могильнику раскопано 16 оставшихся совершенно ничтожныхъ по объему кургановъ. Во всѣхъ этихъ курганахъ, равно какъ и въ раскопанныхъ графомъ Тышкевичемъ, кости лежали на почвенномъ слоѣ въ обычномъ направленіи; здѣсь, слѣдовательно, практиковался тотъ же обрядъ погребенія, что и въ Борисковическихъ Курганахъ, въ Городкѣ Скриголово-Слободской волости и въ Перехrestы.

Изъ Глиницы я первоначально предполагалъ перенести раскопки далѣе на западъ, въ систему рѣки Уборти, гдѣ въ Буйновичской волости разсѣяно нѣсколько могильниковъ. Но, принимая это направленіе, я долженъ былъ бы отказаться отъ выполненія своего первоначального плана, по которому мнѣ необходимо было произвести раскопки на сѣверномъ, лѣвомъ, берегу Припети. Вотъ почему изъ Глиницы я направился къ переправѣ чрезъ Припеть и по пути раскопалъ три кургана въ уроцішѣ Пробитуха, отстоящемъ на двѣ версты отъ дер. Велавскъ и расположенному въ глухой лѣсистой мѣстности. Шесть кургановъ этой группы расположены въ одну ли-

нію, пересѣкающуюся подъ тупымъ угломъ, въ вершинѣ котораго помѣщено вмѣстѣ два кургана, какъ бы означающіе измѣненіе направленія линіи. По объему и по формѣ курганы Пробитухи ничѣмъ не отличаются отъ большихъ могильныхъ кургановъ Припетскаго Полѣсся; но при раскопкѣ въ нихъ не оказалось никакихъ слѣдовъ погребенія. Нужно замѣтить, что изъ четырехъ промежуточныхъ разстояній между этими курганами три равняются приблизительно 55 саженямъ, а четвертое нѣсколько меньше. Цыфра 55 напоминаетъ собою, если не ошибаюсь, разстояніе между межевыми столбами литовскаго периода. Вотъ почему весьма вѣроятно, что настоящими курганами обозначенъ былъ уголъ какой нибудь земельной границы. Но возможно и другое предположеніе: курганы эти могли обозначать линію, указывавшую въ глухой мѣстности путь къ рѣкѣ Припети, къ которой они дѣйствительно и направляются.

Переправившись чрезъ Припеть въ Бѣлановичахъ, я предполагалъ двинуться въ сѣверномъ направленіи къ среднему течению праваго притока впадающей въ Припеть р. Птичи—р. Ороссы, гдѣ въ Комаровичской волости есть нѣсколько курганныхъ группъ. Но, благодаря болотистому характеру мѣстности, прямой путь въ этомъ направленіи оказался невозможнымъ, и я, волей-неволей, долженъ былъ избрать окольный путь чрезъ м. Копаткевичи. Двигаясь въ этомъ направленіи, я произвелъ раскопки въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Первый могильникъ, встрѣтившійся мнѣ на лѣвомъ, сѣверномъ, берегу Припети, находится въ разстояніи одной версты отъ д. Мицюры Петроковской волости, въ уроцішѣ Высокія Могилы, расположенномъ на лѣвомъ, высокомъ берегу р. Бобрича, недалеко отъ впаденія ея въ Припеть. Занимаемая этимъ могильникомъ площадь покрыта молодымъ лѣсомъ, выросшимъ на мѣстѣ вырубленнаго старого, корнями котораго сильно перепорчена внутренность кургановъ. Кромѣ того, нѣсколько кургановъ, какъ-бы отдѣлившись отъ основной группы, расположены на пахатномъ полѣ; послѣдніе распаханы до основанія. Ни форма, ни объемъ этихъ кургановъ не содержать въ себѣ ничего типичнаго. Всѣхъ ихъ въ группѣ можно насчитать около 15; мною раскопано 9. Въ семи изъ нихъ погребеніе совершено на почвенномъ слоѣ. Въ одномъ покойникъ положенъ былъ въ ямѣ въ узкомъ гробу; но этотъ курганъ нѣсколько выдѣляется изъ группы и поэтому къ нему во всей силѣ можетъ быть примѣнено

то же суждение, которое раньше высказано было въ отношении къ одиночно стоящимъ курганамъ могильника Перехресье, т. е. этотъ курганъ могъ принадлежать покойнику другаго племени. Наконецъ въ девятомъ курганѣ костякъ найденъ въ такомъ положеніи, которое не даетъ данныхъ для определенного сужденія объ обрядѣ погребенія. Специфическую особенность настоящаго могильника составляетъ слѣдующій фактъ: въ четырехъ курганахъ взаимное отношение составныхъ частей костяковъ наводитъ на мысль о погребеніи покойниковъ въ сидячемъ положеніи. Такая форма погребенія известна въ археологіи; тѣмъ не менѣе по отношенію къ данному случаю я допускаю ее съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Дѣло въ томъ, что внутренность указанныхъ кургановъ особенно сильно повреждена корнями деревьевъ; произносить при такомъ условіи категорическое сужденіе о первоначальномъ положеніи покойника, нѣсколько рискованно.

Въ двухъ верстахъ отъ той же д. Мицюровъ, въ урочищѣ Зелёнка, находится два ничтожныхъ по объему кургана, которые, будучи раскопаны, оказались коллективными дѣтскими могилами: въ одномъ найдено 8, въ другомъ, полная раскопка котораго по нѣкоторымъ обстоятельствамъ оказалась невозможна,—2 дѣтскихъ костяка. Такъ какъ нѣть основанія предполагать, чтобы для дѣтей встарину отводились особыя кладбища, то представляется весьма вѣроятнымъ, что погребенные въ этихъ курганахъ дѣти были жертвою какой-нибудь заразительной эпидемической болѣзни, вслѣдствіе чего хоронить ихъ на общемъ кладбищѣ признано было неудобнымъ. Въ одномъ изъ кургановъ найдено: нѣсколько шариковъ, напоминающихъ внешнимъ видомъ трюфели, нѣсколько вылѣпленныхъ изъ глины игрушекъ, изображающихъ суставчатыя кости небольшаго животнаго, и небольшая мисочка, вылѣпленная руками, безъ помощи гончарного станка, изъ черной глины.

Изъ д. Мицюровъ я перѣхалъ въ м. Копаткевичи, лежащее на правомъ берегу р. Птичи. Въ окрестностяхъ этого мѣстечка мною произведены раскопки въ двухъ могильникахъ, находящихся въ уро-чищахъ Гальце и Болотце. Ур. Гальце расположено въ двухъ верстахъ къ западу отъ м. Копаткевичъ, при болотѣ Крушинѣ; весною мѣстность эта заливается водою. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильнике 15; мною раскопано 5. Другое уро-чище, Болотце, расположено

въ трехъ верстахъ къ съверо-западу отъ того же мѣстечка, тоже на краю небольшаго лѣсистаго болота. Изъ пяти кургановъ этого могильника мною раскопано два. Въ обоихъ этихъ могильникахъ покойники погребены были на почвенномъ слоѣ; въ нѣкоторыхъ курганахъ костяки совершенно разложились.

Изъ м. Копаткевичъ я переправился въ д. Ванюжицы, въ одной верстѣ отъ которой расположенъ значительный могильникъ; въ немъ насчитывается до 80 кургановъ, бросающихся въ глаза рѣдкою правильностю своей формы: почти всѣ здѣшніе курганы имѣютъ видъ правильнаго полукруга, нѣсколько расширяющагося у основанія. Самый крупный курганъ въ этой группѣ имѣеть 2 арш. высоты и 57 арш. въ окружности. Площадь, занятая могильникомъ, покрыта старымъ лѣсомъ; часть его отведена подъ христіанскоѳ кладбище, на которомъ тоже помѣщаются нѣсколько кургановъ. Здѣсь мною раскопано 23 кургана: въ 15-ти изъ нихъ покойники погребены были на поверхности земли; одинъ даже нѣсколько выше почвенного слоя, въ самой насыпи кургана; въ остальныхъ восьми курганахъ погребеніе совершено было въ ямахъ на обычномъ слоѣ красной глины. Существенно важно то, что и здѣсь, какъ и въ Перехрестьи и отчасти въ Высокихъ Могилахъ, курганы втораго типа не были перемѣшаны съ курганами первого типа, а сгруппированы были вмѣстѣ на краю могильника какъ бы въ отдѣльной группѣ. Въ отношеніи кургановъ втораго типа слѣдуетъ, далѣе, отмѣтить слѣдующую особенность. Ни въ Борисковичскихъ курганахъ, ни въ Перехрестьи, гдѣ покойники хоронились тоже въ ямахъ, посуды совершенно не было. Въ настоящемъ же могильнике въ каждомъ курганѣ втораго типа, на поверхности ямы или въ самой ямѣ, непремѣнно попадались горшки: одинъ или нѣсколько, не больше впрочемъ трехъ. Послѣдній фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ расположенныхъ въ томъ же могильнике курганахъ первого типа посуды вовсе не оказалось. Выходя изъ того положенія, что посуда составляла не случайную, а существенную принадлежность погребального обряда, присутствіе ея въ курганахъ въ данномъ случаѣ можно поставить основаніемъ для дѣленія кургановъ втораго типа на два вида, т. е. 1) представляющіе погребеніе въ ямахъ съ посудой и 2) безъ посуды.

Курганы втораго типа, какъ замѣчено было, сгруппированы вмѣстѣ на краю могильника. Изъ числа ихъ выдѣлился одинъ какъ-

бы выброшенный изъ лѣса въ поле и сильно распаханный. При раскопкѣ этого кургана обнаружились слѣдующія особенности. Подъ насыпью, на уровне почвенного слоя, вдоль ямы расположены были три горшка, тогда какъ въ другихъ курганахъ всегда находился только одинъ горшокъ. Возлѣ горшка, занимавшаго среднее положение, найдена небольшая кучка, около гарнца, сосновыхъ шишекъ. Въ ямѣ глубиною въ 2 арш. и 10 вершковъ обнаруженъ костякъ длиною 2 арш. 8 вершк. На шейѣ у покойника найденъ небольшой бронзовый крестикъ съ двумя стеклянными бусинами, а ниже, на груди, найдены кусочки желѣза отъ другаго, повидимому, желѣзнаго креста. Фактъ присутствія креста въ курганѣ, принадлежащемъ къ языческому могильнику, естественно возбуждаетъ вопросъ: служилъ ли крестъ въ данномъ случаѣ простымъ предметомъ украшения, или покойникъ придавалъ ему значеніе христіанскаго символического знака и слѣдовательно былъ христіаниномъ? Прежде всего необходимо замѣтить, что крестикъ въ данномъ случаѣ найденъ при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ въ другихъ курганахъ обыкновенно находились бронзовыя бусы большаго формата: шейные бусы большаго формата, подобно настоящему крестику, точно также сопровождаются двумя бусами малаго формата, расположеннымъ по обѣимъ сторонамъ большой. Въ виду этого можетъ родиться предположеніе, что бронзовая буса въ данномъ случаѣ замѣнена была крестикомъ, случайно приобрѣтеннымъ, въ качествѣ обыкновенного украшенія, у какого-нибудь заѣзжаго купца. Предположеніе это не можетъ однозначно быть признано въ виду слѣдующаго факта. Шейные украшения въ родѣ бусъ, въ славянскихъ курганахъ вообще и въ данной мѣстности въ частности, встречаются только у женщинъ. Въ данномъ же случаѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ мужчиной. Не говоря уже о другихъ признакахъ, принадлежность этого скелета мужчинѣ доказывается его длиною: длина женскихъ костяковъ въ данной мѣстности среднимъ числомъ равняется приблизительно 2 арш. и 3 вершкамъ. Длина же въ 2 арш. и 8 вершк., какъ въ данномъ случаѣ, принадлежитъ только мужскимъ костякамъ и притомъ костякамъ мужчинъ сравнительно очень высокаго роста. Вотъ почему представляется весьма правдоподобнымъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ христіаниномъ и притомъ съ христіаниномъ, такъ сказать, явнымъ, котораго хотя похоронили и по языческому обряду,

однакожъ нашли нужнымъ его могилу выдѣлить изъ массы могиль, принадлежавшихъ язычникамъ.

Наконецъ, какъ особенность Ванюжицкаго могильника, отмѣчу еще слѣдующій фактъ. Подъ насыпью одного изъ кургановъ первого типа найдено было шесть костяковъ; пять изъ нихъ принадлежали взрослымъ мужчинамъ и женщинамъ, а одинъ дѣтскій. Всѣ шесть покойниковъ лежали на одномъ уровне и похоронены были одновременно; расположены они были полукругомъ; но обычное направление костяковъ въ славянскихъ могилахъдержано вполнѣ, т. е. всѣ они лежать головою на западъ, а ногами на востокъ. Но особенного вниманія заслуживаетъ слѣдующій фактъ. Въ данномъ могильнику, равно какъ и въ другихъ мною изслѣдованныхъ, да и вообще въ славянскихъ могилахъ, въ устройствѣ головнаго черепа замѣчается чередование долихоцефаловъ съ мезоцефалами; головные же черепа настоящаго кургана, изъ которыхъ три вошли въ составъ моей коллекціи, представляютъ образцы чистѣйшихъ брахицефаловъ. Если данныхъ краніологіи имѣютъ какой-нибудь смыслъ, то придется предположить, что подъ настоящимъ курганомъ погребено цѣлое семейство какихъ-то иноплеменниковъ, погибшихъ, повидимому, насильственную смертью; иначе трудно объяснить, почему всѣ шесть покойниковъ похоронены вмѣстѣ и притомъ въ такомъ взаимномъ отношеніи, которое исключаетъ предположеніе о разновременныхъ похоронахъ.

Изъ Ванюжицъ же мнѣ удалось раскопать два кургана въ могильнику, находящемся въ уроцищѣ Студзеный Колодзесь, отстоящемъ отъ этой деревни на 4 версты. Курганы этого могильника, числомъ 10, расположены въ лѣсу по гребню стариннаго вала, который на нѣсколько десятковъ верстъ тянется параллельно лѣвому берегу р. Припети. Въ разстояніи около версты отъ этого могильника находится старинное городище, расположенное въ удивительно глухой мѣстности, производящей впечатлѣніе какои-то волшебно-сказочной таинственности. Даже видывавшій подобные виды полѣшукъ сознавался, что, когда онъ появляется въ этой мѣстности, у него „ волосы на головѣ становятся дыбомъ“.—Въ обоихъ раскопанныхъ мною курганахъ костяки лежали на почвенномъ слоѣ.

Изъ Ванюжицъ я подвинулся на 15 верстъ къ сѣверо-западу и остановился въ д. Комаровичахъ, расположенной вблизи праваго бе-

рега р. Ороссы. Комаровицкій могильникъ находится въ уроцищѣ Дзягильскій лѣсъ, отстоящемъ отъ деревни на $\frac{1}{2}$ версты. Площадь, занятая могильникомъ, значительно возвышается надъ окружающей мѣстностью; курганы расположены частію по гребню этой продолговатой возвышенности, частію по ея склону и частію у самой подошвы. Изъ 57 кургановъ этого могильника мною раскопано 25. Въ 22 изъ нихъ покойники лежали на почвенномъ слоѣ, и только въ трехъ костяки найдены въ ямахъ. На этотъ разъ курганы втораго типа не собраны были въ одно мѣсто, а разбросаны были по всему могильнику, вѣроятно потому, что въ общей массѣ составляли ничтожный процентъ.

Изъ д. Комаровичъ я, наконецъ, получилъ возможность направить свой путь прямо въ окрестности Князь- или Жидъ-озера, по многимъ причинамъ привлекавшаго къ себѣ мое особенное вниманіе. Но здѣсь я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

Со словомъ *польшукъ* у насъ принято соединять представление о чѣмъ-то забитомъ, загнанномъ, измученномъ, словомъ—представленіе о чѣмъ-то крайне жалкомъ какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Непосредственное ознакомленіе съ типомъ здѣшняго населенія привело меня къ другому выводу: людей болѣе красивыхъ въ физическомъ отношеніи, чтобъ особенно слѣдуетъ сказать о женщинахъ, и болѣе симпатичныхъ въ нравственномъ отношеніи я не встрѣчалъ ни на сѣверѣ, ни на югѣ Россіи; польшукъ подвиженъ, достаточно смѣтливъ, искрененъ и первобытно честенъ. Когда я этими своими наблюденіями сталъ дѣлиться съ одной мѣстной интеллигентной особой, она посовѣтовала мнѣ между прочимъ посѣтить д. Лучичи на р. Птичи, гдѣ, по ея словамъ, особенно среди женщинъ, сохранилась истинно-царственная аристократичность славяно-русскаго племени. Вообще, если бы меня спросили, гдѣ можно отыскать чистый типъ тѣхъ славянъ, которые такъ симпатично выступаютъ у нѣкоторыхъ древнихъ лѣтописцевъ, я указалъ бы на Полѣсье. Встрѣтившись съ такимъ фактомъ, я естественно старался опредѣлить районъ распространенія этого типа. Въ отвѣтъ на предлагаемые въ этомъ родѣ вопросы мнѣ обыкновенно указывали на окрестности Князь- или Жидъ-озера, гдѣ—говорили мнѣ—я встрѣчу людей не похожихъ на здѣшнихъ ни по внѣшнему виду, ни по образу жизни. Вообще же изъ описанія я вывелъ такое заключеніе,

что въ окрестностяхъ названного озера живутъ не потомки древнихъ славяно-руссовъ, а какой-то особый типъ людей, нѣчто въ родѣ австралийскихъ Папуасовъ. И въ самомъ дѣлѣ, я долженъ сознаться, что дѣйствительность почти оправдала это предположеніе. Проехавъ 45 верстъ въ направлениі къ сѣверо-западу, я остановился въ д. Дяковичахъ, расположенной въ 4 верстахъ къ сѣверу отъ Князь- или Жидъ-озера. Деревня эта выстроена буквально на болотѣ, такъ что улица представляетъ настоящую греблю, которая спасаетъ населеніе отъ непроходимой грязи. Съ закатомъ солнца надъ деревней и окружающими ее болотами подымается густой туманъ, переполненный міазмами отъ разлагающихся въ болотѣ разнаго рода органическихъ веществъ. Туманъ этотъ имѣеть свой специфическій, крайне тяжелый, удущливый запахъ, такъ что непривычные легкія положительно задыхаются въ немъ. Что же касается здѣшнихъ людей, то они производятъ крайне удручающее впечатлѣніе: черные изможденныя лица, всклокоченные или торчащіе вверхъ, какъ у дикобразовъ, волосы, какія-то странныя искривленія грудной клѣтки, чрезмѣрное развитіе, особенно у женщинъ и дѣтей, брюшной полости при длинныхъ сухихъ рукахъ, физическое безсиліе и умственная ограниченность—все это производить на свѣжаго человѣка такое впечатлѣніе, какъ будто вы имѣете дѣло не съ живыми людьми, а съ какими-то загробными тѣнами, обреченными неумолимою судбою на вѣчное страданіе. Констатированный фактъ еще рельефнѣе выступаетъ на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ. Такъ, здѣсь мнѣ встрѣтился одинъ старый рыбакъ, весь, какъ медвѣдь, обросшій волосами, а его густыя, длинныя, падающія внизъ щитами брови невольно напомнили мнѣ образъ гоголевскаго Вія. Еще болѣе характерный типъ встрѣтился на берегу самаго озера. Порвавъ связь съ деревней, этотъ полудикарь выселился на берегъ озера и живетъ тамъ подъ приземистымъ, съ одной стороны открытымъ навѣсомъ, напоминающимъ собою обычную медвѣжью берлогу. Все имущество его состоитъ изъ ветхой верхней накидки и кайстры (торбы), необходимой принадлежности всякаго полѣшника; спить онъ на землѣ, а подушкой ему служить кусокъ высушенаго болотнаго торфа. Взглянувъ на эту ужъ слишкомъ неприхотливую обстановку, я невольно вспомнилъ извѣстныя слова нашего лѣтописца, которыми онъ характеризуетъ бытъ нѣкоторыхъ славяно-русскихъ племенъ: „живаху въ лѣсѣ звѣриньскимъ

образомъ, живуще скотъски, якоже всякий звѣрь". И чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ Полѣсскій Діогенъ отличается по образу жизни отъ всякаго звѣря, сказать мудрено. Возможно, что этотъ оригиналъ лишь копируетъ своихъ предковъ, жившихъ, по словамъ Прокопія, въ „дряныхъ хижинахъ“, которыхъ они, по словамъ Гельмгольда, „наскоро сплетали изъ вѣтвей только для необходимой защиты отъ непогоды и дождей“.

Князь-озеро имѣеть въ ширину 6 верстъ, въ длину 13 верстъ и около 50 верстъ въ окружности. Окрестности его могутъ быть названы пустынными; кромѣ Дяковичъ на юномъ его берегу лежать еще двѣ деревни: Пуховичи и Лихичи. А между тѣмъ известно, что съ средины приблизительно такого же по размѣру Ростовскаго озера не вооруженнымъ глазомъ можно видѣть, если не ошибаюсь, 11 значительныхъ сель, расположенныхъ въ его окрестностяхъ и пріятно ласкающихъ взоръ наблюдателя блестящими главами своихъ богатыхъ церквей. Словомъ, все говорить о томъ, что природа въ данной мѣстности является для человѣка не матерью родною, а мачихой, а поэтому онъ, естественно, и бѣжитъ отъ нея. При такихъ условіяхъ казалось бы, что ветарину, когда выборъ мѣстъ для поселенія не стѣснялся тѣми затрудненіями, которыхъ представляетъ современная жизнь, такая непривѣтливая мѣстность должна бы быть совершенно безлюдною, а поэтому и не интересною для археолога. Однакожъ дѣйствительность говоритъ противное: въ Дяковичской волости насчитывается около 4 городищъ и значительное количество кургановъ. Мною произведены раскопки въ трехъ могильникахъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ д. Дяковичъ, между этой деревней и Дяковичскимъ дворомъ, въ разстояніи 5—7 верстъ отъ первой, въ уроцищахъ: Слупка, Козловка и Катуха. Два первыя уроцища лежать въ близкомъ сосѣдствѣ; а Катуха на версты полторы удалена отъ нихъ къ сѣверо-западу. Всѣ три могильника находятся въ лѣсу, въ мѣстности, въ высшей степени сырой, что и отразилось на плохой сохранности костяковъ въ могилахъ. Всѣхъ кургановъ въ Слупкѣ 20, въ Козловкѣ 22, въ Катухѣ 30. Раскопано въ первыхъ двухъ по 5, въ третьей 8. Изъ 18 раскопанныхъ кургановъ только въ двухъ, принадлежавшихъ Слупскому могильнику, покойники погребены были въ ямахъ; въ остальныхъ 16 погребеніе совершено было на поверхности земли. Во многихъ курганахъ всѣхъ

трехъ могильниковъ замѣтны были слѣды гробовъ; точно также во всѣхъ могильникахъ встрѣчались горшки; въ Катухѣ горшки попадались почти въ каждой могилѣ; они обыкновенно стояли у ногъ покойника. Въ нѣкоторыхъ курганахъ слѣды погребенія оказались совершенно уничтоженными. Въ одномъ изъ кургановъ Слупской группы обнаружены слѣды желѣзныхъ гвоздей, которыми сколоченъ былъ деревянный гробъ.

Самое Князь- или Жидъ-озеро оказалось не лишеннымъ нѣкотораго археологического интереса: на срединѣ его, по линіи, соединяющей лежащія на двухъ противоположныхъ его берегахъ деревни, Дяковичи и Пуховичи, видны слѣды какой-то свайной постройки, которую я нашелъ въ такомъ видѣ. Осмотръ мною произведенъ былъ съ Дяковичскаго берега. Отъѣхавъ версты двѣ отъ этого берега, я сталъ различать не вооруженнымъ глазомъ на поверхности воды нѣсколько черныхъ точекъ, которые по мѣрѣ приближенія обрисовывались все рельефнѣе и рельефнѣе. Скоро пришлось убѣдиться, что точки эти не что иное, какъ торчащія изъ воды деревянныя сваи, выступающія надъ поверхностью озера обыкновенно во время лѣтняго мелководія. Надъ поверхностью виднѣлось четыре; онѣ расположены по угламъ четырехугольной, нѣсколько продолговатой, площади, занимающей пространство около 1500 квадратныхъ аршинъ. При изслѣдованіи обнаружено еще нѣсколько свай; но всѣ онѣ расположены по краямъ названной площади, представляющей отмель, расположенную въ сравнительно глубокой части озера. Въ виду этого представляется весьма правдоподобнымъ мнѣніе мѣстныхъ рыбаковъ, утверждающихъ, что сваи набиты для сооруженія деревянного ящика, который долженъ быть послужить основаніемъ для образованія путемъ насыпи искусственного острова. Глубина озера въ данномъ мѣстѣ при моемъ посѣщеніи не превышала одного аршина, что дозволило произвести нѣкоторое обслѣдованіе дна. Въ верхнемъ слоѣ озернаго дна въ большомъ количествѣ попадается дерево, по преимуществу куски сосновыхъ вѣтвей, и хорошо обожженній кирпичъ; удалось добыть также клокъ человѣческихъ волосъ, представляющихъ, кажется, часть распространеннаго въ данной мѣстности колтуна. Какъ велика глубина слоя, въ которомъ встрѣчаются названные предметы, мнѣ опредѣлить не удалось, такъ какъ мой желѣзный щупъ хваталъ въ глубину только на полтора аршина;

но на этой глубинѣ дерево, кирпичъ и другіе твердые предметы встречаются въ большомъ количествѣ. Есть основаніе думать, что названные предметы представляютъ слѣды существовавшаго когда-то на этомъ мѣстѣ искусственнаго сооруженія, воздвигнутаго или на почвенномъ слоѣ теперь размытаго искусственнаго острова, или на помостѣ, укрѣпленномъ надъ водою на сваяхъ. Въ народномъ преданіи съ этимъ сооруженіемъ связана слѣдующая легенда. Одинъ изъ князей, который называется то Радзивиломъ, то Витгенштейномъ, то однимъ изъ Ягеллоновъ, влюбился въ еврейку. Боясь преслѣдованія родителей послѣдней, онъ создалъ на озерѣ неприступный замокъ и поселился въ немъ со своей возлюбленной; надъ сооруженіемъ насыпи и построениемъ замка работала „вся Слутчина“. Сооруженіе это оказалось непрочнымъ и съ наступленіемъ весеннаго половодія было разрушено. Съ этого времени озеро стало называться „Князь- или Жидъ-озеро“. Оставляя въ сторонѣ романическую сторону этой легенды, которая могла быть придумана для объясненія происхожденія названія озера, въ остальномъ ея содержаніи можно признать дѣйствительную историческую подкладку, тѣмъ болѣе, что указаніе на нечто подобное есть, кажется, въ одной польской хроникѣ прошлаго столѣтія¹⁾. Что польскому пану старыхъ временъ, въ родѣ, напр., знаменитаго Коханка Радзивила, могла прійти въ голову фантазія построить на озерѣ замокъ, это совершенно правдоподобно и не требуетъ доказательствъ. Конечно, для археолога гораздо пріятнѣе было бы доказать, что рассматриваемыя сваи относятся если ужъ не къ такой глубокой древности, какъ напр. швейцарскія свайныя постройки, то по крайней мѣрѣ къ той эпохѣ, къ которой относятся наши древнія славянскія городища. Замѣчу кстати, что сваи сохранились сравнительно очень хорошо, чтоб, по увѣренію мѣстныхъ крестьянъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что яворъ, изъ котораго онѣ сдѣланы, въ водѣ не скоро подвергается разложенію.

Съ береговъ Князь- или Жидъ-озера я опять возвратился на Припеть съ цѣллю произвестъ раскопки въ окрестностяхъ м. Турова,

¹⁾ Въ настоящее время я не могу сдѣлать точныхъ указаний по этому вопросу. Могу лишь со словъ В. Б. Антоновича указать на то, что въ одномъ изъ сочиненій польского ученаго Бартошевича есть извѣстіе, что Іеронимъ Радзивілъ, принявши іудейство, выстроилъ на Князь-озерѣ замокъ, въ которомъ происходили собранія раввиновъ.

расположенного на мѣстѣ древняго города того же имени. Отъ исторического прошлаго этого города на поверхности земли почти ничего не сохранилось. На мѣстѣ древняго кремля стоитъ церковь новѣйшей постройки, а на мѣстѣ загороднаго княжескаго дворца теперь образовалась цѣлая деревня. Слѣды старины можно находить здѣсь во множествѣ черепковъ отъ битой посуды, встрѣчающихся въ песчаныхъ розсыпяхъ, въ названіи нѣкоторыхъ уроціщъ и въ двухъ каменныхъ крестахъ, одиноко расположенныхъ въ полѣ и поставленныхъ, повидимому, на мѣстахъ древнихъ языческихъ божествъ. Съ однимъ изъ этихъ крестовъ соединяется слѣдующая легенда: въ Туровъ онъ приплылъ изъ Киева по рѣкѣ; когда Туровцы задумали было остановить его, рѣка покрылась кровью. Если эта легенда дѣйствительно древняя, то въ ней нельзя не видѣть намека на способъ распространенія въ Туровѣ Христіанства, которое, повидимому, не въ одномъ только Новгородѣ распространялось огнемъ и мечемъ.

Въ окрестностяхъ самаго Турова кургановъ не оказалось. Этотъ фактъ даетъ основаніе думать, что городъ этотъ никогда не былъ племеннымъ культурно-политическимъ центромъ, а построенъ былъ князьями первоначально съ чисто стратегическою цѣлью. Ближайшій къ Турову могильникъ находится въ деревнѣ Рычево, отстоящей отъ этого мѣстечка на 8 верстъ и расположенной на лѣвомъ берегу р. Ствига, праваго притока Припети. Могильникъ этотъ занимаетъ пространство около 5 десятинъ, на которомъ курганы расположены сравнительно не густо. Мѣстность, занимаемая могильникомъ, покрыта молодымъ кустарниковымъ лѣсомъ, а весною совершенно заливается водою. Величина и форма здѣшнихъ кургановъ обычна. Мною раскопано 9 кургановъ. Въ 8 изъ нихъ покойники положены были на *почвенномъ словѣ*; въ девятомъ найдено *кострище* съ остатками не совсѣмъ перегорѣвшихъ человѣческихъ костей. Рычевскій могильникъ былъ послѣднимъ пунктомъ моихъ археологическихъ разысканій въ настоящую экскурсію.

Изъ представленнаго общаго обзора моихъ раскопокъ видно, что во время настоящей поѣздки я заботился не столько о томъ, чтобы раскопать какъ можно больше кургановъ въ томъ или другомъ могильникѣ, сколько о томъ, чтобы изслѣдоватъ какъ можно большее количество отдѣльныхъ могильныхъ группъ. Какъ только господствующій въ данномъ могильникѣ типъ погребенія становился

но на этой глубинѣ дерево, кирпичъ и другіе твердые предметы встречаются въ большомъ количествѣ. Есть основаніе думать, что названные предметы представляютъ слѣды существовавшаго когда-то на этомъ мѣстѣ искусственного сооруженія, воздвигнутаго или на почвенномъ слоѣ теперь размытаго искусственного острова, или на помостѣ, укрѣпленномъ надъ водою на сваяхъ. Въ народномъ преданіи съ этимъ сооруженіемъ связана слѣдующая легенда. Одинъ изъ князей, который называется то Радзивиломъ, то Витгенштейномъ, то однимъ изъ Ягеллоновъ, влюбился въ еврейку. Боясь преслѣдованія родителей послѣдней, онъ создалъ на озерѣ неприступный замокъ и поселился въ немъ со своей возлюбленной; надъ сооруженіемъ насыпи и построениемъ замка работала „вся Слутчина“. Сооруженіе это оказалось непрочнымъ и съ наступленіемъ весеннаго половодія было разрушено. Съ этого времени озеро стало называться „Князь- или Жидъ-озеро“. Оставляя въ сторонѣ романическую сторону этой легенды, которая могла быть придумана для объясненія происхожденія названія озера, въ остальномъ ея содержаніи можно признать дѣйствительную историческую подкладку, тѣмъ болѣе, что указаніе на нечто подобное есть, кажется, въ одной польской хроникѣ прошлаго столѣтія¹⁾. Что польскому пану старыхъ временъ, въ родѣ, напр., знаменитаго Коханка Радзивила, могла прійти въ голову фантазія построить на озерѣ замокъ, это совершенно правдоподобно и не требуетъ доказательствъ. Конечно, для археолога гораздо пріятнѣе было бы доказать, что рассматриваемыя сваи относятся если ужъ не къ такой глубокой древности, какъ напр. швейцарскія свайныя постройки, то по крайней мѣрѣ къ той эпохѣ, къ которой относятся наши древнія славянскія городища. Замѣчу кстати, что сваи сохранились сравнительно очень хорошо, чтб, по увѣренію мѣстныхъ крестьянъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что яворъ, изъ котораго онъ сдѣланы, въ водѣ не скоро подвергается разложенію.

Съ береговъ Князь- или Жидъ-озера я опять возвратился на Припять съ цѣллю произвестъ раскопки въ окрестностяхъ м. Турова,

¹⁾ Въ настоящее время я не могу сдѣлать точныхъ указаний по этому вопросу. Могу лишь со словъ В. Б. Антоновича указать на то, что въ одномъ изъ сочиненій польского ученаго Бартошевича есть извѣстіе, что Иеронимъ Радзивиль, принявши іудейство, выстроилъ на Князь-озерѣ замокъ, въ которомъ происходили собранія раввиновъ.

расположенного на мѣстѣ древняго города того же имени. Отъ исторического прошлаго этого города на поверхности земли почти ничего не сохранилось. На мѣстѣ древняго кремля стоитъ церковь новѣйшей постройки, а на мѣстѣ загороднаго княжескаго дворца теперь образовалась цѣлая деревня. Слѣды старины можно находить здѣсь во множествѣ черепковъ отъ битой посуды, встрѣчающихся въ песчаныхъ розсыпяхъ, въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ и въ двухъ каменныхъ крестахъ, одиноко расположенныхъ въ полѣ и поставленныхъ, повидимому, на мѣстахъ древнихъ языческихъ божествъ. Съ однимъ изъ этихъ крестовъ соединяется слѣдующая легенда: въ Туровѣ онъ приплылъ изъ Киева по рѣкѣ; когда Туровцы задумали было остановить его, рѣка покрылась кровью. Если эта легенда дѣйствительно древняя, то въ ней нельзя не видѣть намека на способъ распространенія въ Туровѣ Христіанства, которое, повидимому, не въ одномъ только Новгородѣ распространялось огнемъ и мечемъ.

Въ окрестностяхъ самаго Турова кургановъ не оказалось. Этотъ фактъ даетъ основаніе думать, что городъ этотъ никогда не былъ племеннымъ культурно-политическимъ центромъ, а построенъ былъ князьями первоначально съ чисто стратегическою цѣлью. Ближайший къ Турову могильникъ находится въ деревнѣ Рычево, отстоящей отъ этого мѣстечка на 8 верстъ и расположенной на лѣвомъ берегу р. Ствига, праваго притока Припети. Могильникъ этотъ занимаетъ пространство около 5 десятинъ, на которомъ курганы расположены сравнительно не густо. Мѣстность, занимаемая могильникомъ, покрыта молодымъ кустарниковымъ лѣсомъ, а весною совершенно заливается водою. Величина и форма здѣшнихъ кургановъ обычна. Мною раскопано 9 кургановъ. Въ 8 изъ нихъ покойники положены были на почвенномъ слоѣ; въ девятомъ найдено кострище съ остатками не совсѣмъ перегорѣвшихъ человѣческихъ костей. Рычевскій могильникъ былъ послѣднимъ пунктомъ моихъ археологическихъ разысканій въ настоящую экскурсію.

Изъ представленнаго общаго обзора моихъ раскопокъ видно, что во время настоящей поѣздки я заботился не столько о томъ, чтобы раскопать какъ можно больше кургановъ въ томъ или другомъ могильнике, сколько о томъ, чтобы изслѣдоввать какъ можно большее количество отдѣльныхъ могильныхъ группъ. Какъ только господствующій въ данномъ могильнике типъ погребенія становился

яснымъ, я оставлялъ его и передвигался въ другое мѣсто. А чтобы при такой системѣ раскопокъ не впасть въ ошибку поспѣшнаго обобщенія, при выборѣ кургановъ я не придерживался того порядка, въ какомъ они расположены бываютъ въ могильникѣ: раскопавъ два-три смежныхъ кургана и нашедши въ нихъ одну и ту же форму погребенія, я обыкновенно выхватывалъ курганы изъ различныхъ пунктовъ могильника, при чёмъ не упускалъ изъ вида и объема насыпи; такъ что въ каждомъ могильнике мною всегда раскопано было понѣсколько кургановъ самыхъ большихъ, среднихъ и самыхъ малыхъ. Благодаря такой системѣ, я, въ теченіе ровно одного мѣсяца, раскопалъ 163 кургана, принадлежавшихъ 16 отдѣльнымъ могильникамъ, разбросаннымъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

Если оставить въ сторонѣ обрядъ трупосожженія, встрѣчающійся въ данной мѣстности какъ явленіе случайное и, кажется, заносное, всѣ остальные курганы, какъ это ясно слѣдуетъ изъ предыдущаго, можно раздѣлить на двѣ категоріи: съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ и съ погребеніемъ въ ямахъ. На правомъ, южномъ, берегу Припети оба эти типа встрѣчаются въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ могильникахъ, которые почти правильно чередуются между собою. Съ переходомъ же на лѣвый, сѣверный, берегъ этой рѣки положеніе дѣлъ измѣняется: первый типъ здѣсь занимаетъ господствующее значеніе, погребеніе же въ ямахъ выступаетъ какъ примѣсь къ первому типу, является, слѣдовательно, чѣмъ-то случайнымъ, занесеннымъ сюда съ южнаго берега. Ясно, что Припеть служила границею, гдѣ сталкивались два племени, игравшія однакожъ здѣсь далеко не одинаковую роль. Сѣверное племя, господствуя на сѣверномъ берегу Припети, выдвинулось своими густыми поселками довольно далеко на южномъ берегу этой рѣки. Извѣстно, что Житомирскій могильникъ, раскопанный частью *В. Б. Антоновичемъ*, частію *С. С. Гамченкомъ*, по обряду погребенія принадлежитъ къ сѣверному типу. Мои же раскопки прошлыхъ лѣтъ обнаружили, что на сѣверѣ этотъ типъ не ограничивается только системою р. Припети, а простирается далеко на сѣверъ въ систему р. Березины и даже верхняго Нѣмана. Въ свою очередь рядъ раскопокъ, произведенныхъ *В. Б. Антоновичемъ*, показалъ, что южный типъ, начинаясь на правомъ берегу Припети, распространяется далеко на югъ, вплоть до самой Роси; по крайней мѣрѣ это фактически доказано

относительно ея лѣваго притока Раставицы. Итакъ, теперь можно считать почти доказаннымъ, что поселенія Древлянъ, начинаясь въ системѣ р. Роси, простирались вплоть до самой Припети, гдѣ они соприкасались съ Дреговичскими поселеніями. Но то обстоятельство, что главный культурно-политический центръ Древлянскаго племени (Искорostenь) находился не на Припети, и что, напротивъ, Дреговичскій г. Туровъ лежалъ на правомъ, южномъ, берегу этой рѣки, даетъ основаніе заключать, что Дреговичамъ принадлежала господствующая роль не только на сѣверномъ, но и на южномъ берегу Припети. Настоящія раскопки даютъ также основаніе думать, что сѣверная граница Дреговичей не оканчивалась линіей, служащей водораздѣломъ между системами Припети съ одной стороны, Березины и верхняго Нѣмана — съ другой, какъ это доказываютъ нѣкоторые ученые, что, напротивъ, она переходила названную линію и что, следовательно, слова начальной лѣтописи, свидѣтельствующей о поселеніи Дреговичей „между Припетью и Двиною“, могутъ быть понимаемы въ буквальномъ смыслѣ слова. Заслуживаетъ вниманія также слѣдующее обстоятельство. Въ свое время я замѣтилъ, что курганы втораго типа могутъ быть подраздѣлены на двѣ категоріи: съ сосудами и безъ сосудовъ. В. Б. Антоновичъ констатировалъ, что въ Древлянскихъ могилахъ „замѣчается совершенное отсутствіе сосудовъ“, напротивъ, въ Полянскихъ могилахъ, гдѣ тоже практиковался обрядъ погребенія въ ямахъ, присутствіе сосудовъ, насколько известно, есть явленіе обычное. Въ виду этого представляется весьма правдоподобнымъ, что одна часть раскопанныхъ мною кургановъ втораго типа принадлежала Древлянамъ, другая же Полянамъ¹⁾, которые тоже стремились къ Припети, какъ къ бойкому торговому пути. Здѣсь же, наконецъ, встрѣтился могильникъ съ обрядомъ трупосожженія, практиковавшагося, какъ известно, у сѣверянъ. Все это подтверждаетъ ту мысль, что въ рассматриваемое время Припеть была весьма бойкимъ торгово-промышленнымъ пунктомъ, привлекавшимъ къ себѣ колонистовъ почти со всѣхъ съѣднихъ областей.

Говоря о содержаніи кургановъ, я упоминалъ лишь о гвоздяхъ и горшкахъ, но ничего не сказалъ о другихъ памятникахъ быта,

¹⁾ Вопросъ этотъ нуждается въ провѣрочныхъ разысканіяхъ.

встрѣчающихсяъ въ могилахъ. Дѣло въ томъ, что при дѣленіи славяно-русскихъ кургановъ по племеннымъ группамъ находимые въ нихъ предметы не имѣютъ существенаго значенія: характеризуя культуру извѣстной эпохи, предметы эти принадлежать не этнографическимъ, а географическимъ районамъ, въ области которыхъ они распространялись путемъ торговли. Такъ напр., бронзовые бубенчики и височныя кольца большаго формата, будучи типичнымъ явленіемъ для кургановъ Поволжскаго края, встрѣчаются и въ системѣ Днѣпра, и наоборотъ, извѣстныя стеклянныя золоченныя бусы, встрѣчаясь въ большомъ количествѣ въ курганахъ Днѣпровскаго бассейна, попадаются и въ области системы Волги. Вотъ почему предметы славянскихъ кургановъ, существенно отличаясь отъ предметовъ, встрѣчающихся въ древнихъ скиѳскихъ могилахъ, часто тожественны бываютъ съ предметами кургановъ финскихъ и даже съ предметами, находимыми въ могилахъ Кавказскаго края, чтб, напр., слѣдуетъ сказать о нѣкоторыхъ бусахъ, которыя, будучи характернымъ явленіемъ на Кавказѣ, встрѣчаются и въ нашихъ славянскихъ курганахъ. Ясно, что если бы археологъ при классификаціи кургановъ сталъ придавать большое значеніе находимымъ въ нихъ предметамъ быта, то ему угрожала бы опасность просмотрѣть не только незначительныя разновидности, но и цѣлые самостоятельные виды. Здѣсь, кажется, лежитъ одна изъ причинъ того, почему нашимъ сѣвернымъ археологамъ никакъ не удастся отыскать различіе между славянскими и финскими курганами, и это происходитъ въ то самое время, когда наши южные археологи уже обнаруживаютъ попытку, и какъ оказывается не безплодную, разобраться въ разновидностяхъ славянскаго типа. Причина этого обстоятельства заключается, повидимому, въ различіи взгляда на критерій, который долженъ быть положенъ въ основаніе разматриваемой классификаціи.

Раскопанные мною курганы, какъ и вообще славяно-русскіе курганы, не отличаются богатствомъ предметовъ. Это особенно слѣдуетъ сказать о курганахъ, насыпанныхъ надъ мужчинами: огниво съ кремнемъ, поясной ножъ, пряжка отъ пояса, кольцо на пальцѣ— вотъ и все, что можно встрѣтить въ мужскихъ курганахъ. Особенно рѣзко бросается въ глаза фактъ почти полнаго отсутствія оружія, и этотъ фактъ имѣетъ мѣсто не только по отношенію къ курганамъ, мною раскопаннымъ, но и вообще по отношенію ко всѣмъ славяно-

русскимъ курганамъ, которые когда-нибудь раскапывались были археологами. А между тѣмъ фактъ употребленія оружія нашими языческими предками достаточно засвидѣтельствованъ исторіей. Извѣстно, напр., что южно-русскія племена встрѣтили пришедшихъ съ сѣвера варяжскихъ князей съ оружіемъ въ рукахъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Древляне, отстаивая свою независимость, обнаружили даже выдающуюся воинственность. Первые Кіевскіе князья въ своихъ походахъ на Византію увлекаютъ съ собою почти всѣ подчиненные имъ племена, которыхъ конечно являлись съ своимъ собственнымъ оружіемъ, такъ какъ трудно допустить, чтобы въ оружейныхъ палацахъ первыхъ Кіевскихъ князей могъ храниться запасъ оружія, которымъ можно было вооружить, напр., восьмидесяти-тысячную армію, двинутую Олегомъ на Константинополь; а какимъ оружіемъ вооружены были эти полчища, это видно изъ болгарскихъ походовъ Святослава: его шестидесяти-тысячная армія вооружена была, какъ видно изъ показанія Льва Діакона, мечами и щитами. Затѣмъ известно, что Поляне даже дань Хозарамъ платили мечами; наши послы, заключая договоры съ Греками отъ всей русской земли, клянутся между прочимъ мечами и щитами; отправлявшіеся въ Константинополь и въ Итиль наши купцы являлись туда съ оружіемъ; въ Русской Правдѣ, писанной несомнѣнно не для одного военного класса, въ первыхъ правилахъ, принадлежащихъ къ древнѣйшей редакціи, говорится о мечѣ, какъ о такомъ оружіи, которымъ каждый человѣкъ могъ нанести вредъ другому; известно также, что наши древніе предки, въ какомъ бы они захолустыни жили, любили строить укрѣпленія, для защиты которыхъ нужно было какое-нибудь оружіе: если у нихъ не было мечей, то могли быть топоры, не было топоровъ, то могли быть какія-нибудь рогатины или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Какъ бы кто ни истолковывалъ приведенные факты, все же они, взятые вмѣстѣ, даютъ достаточное основаніе утверждать, что у нашихъ языческихъ предковъ оружіе въ томъ или другомъ количествѣ, въ томъ или другомъ видѣ, несомнѣнно существовало. Чѣмъ же объяснить фактъ почти полнаго отсутствія оружія въ курганахъ? Говорю *почти*, потому что изрѣдка попадаются ножи, которые нѣсколько длиннѣе обычныхъ поясныхъ; нѣкоторые археологи склонны видѣть въ этихъ ножахъ не простое орудіе домашняго обихода, а боевое оружіе. Возможно, что эти но-

жи, равно какъ и встречающіеся въ нѣкоторыхъ курганахъ возлѣ кистей рукъ камни, дѣйствительно служили оружиемъ; но несомнѣнно, что это не то оружіе, которымъ Поляне платили дань Хозарамъ,—которымъ Древляне отстаивали свою независимость, которымъ полчища Олега, Игоря и Святослава поражали хорошо вооруженныхъ грековъ. Поставленный вопросъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ такъ называемыхъ скиескихъ курганахъ оружіе встречается почти на каждомъ шагу и тамъ оно составляетъ, повидимому, существенную принадлежность погребального обряда. Отсутствие оружія въ нашихъ курганахъ принадлежитъ, слѣдовательно, къ числу характерныхъ особенностей быта, а потому фактъ этотъ и долженъ быть объясняемъ бытовыми особенностями нашихъ предковъ. И дѣйствительно, хотя наши предки при случаѣ обнаруживали блестящія боевыя способности и своими славными боями по временамъ даже затмевали славу воинственныхъ норманновъ, но война никогда не была ихъ ремесломъ и въ обыденномъ теченіи жизни она не имѣла существенного значенія. Привыкши смотрѣть на мирные занятія какъ на необходимое условіе нормальной жизни, наши языческие предки переносили этотъ взглядъ и на загробную жизнь, представление о которой дѣлало оружіе не нужнымъ, а поэтому оно и не клалось въ могилу съ покойникомъ.

Гораздо обильнѣе предметами женскіе курганы. Но распределены курганы съ содержаніемъ по могильникамъ не равномерно. Въ нѣкоторыхъ могильникахъ курганы съ содержаніемъ почти совершенно отсутствуютъ. Это прежде всего слѣдуетъ сказать о могильникахъ: Туровского болота, Буклевскомъ иъ основномъ ядрѣ Ванюжицкаго могильника съ погребеніемъ на поверхности земли; кромѣ колецъ на пальцахъ, и то встрѣчавшихся очень рѣдко, въ курганахъ этихъ могильниковъ ничего не встрѣчалось. Самыми богатыми по содержанію оказались курганы Ванюжицкіе втораго типа и Комаровичскіе. Остальные могильники такъ или иначе могутъ быть распределены между этими двумя крайними группами. По своему назначенію встречающіеся въ курганахъ предметы могутъ быть раздѣлены на два разряда: предметы домашняго быта и предметы украшенія. Къ первому разряду относятся: посуда, т. е. горшки и деревянныя съ желѣзной оковкой ведра, ножики и пряслицы; ко второму разряду принадлежать: бусы, серги, двоякаго рода кольца,

т. е. носившіяся на пальцахъ и вплетавшіяся въ волосы, медальоны и браслеты. Для приготовленія предметовъ украшенія употреблялся слѣдующій материалъ: золото, серебро, составной металль, известный въ археологіи подъ именемъ бронзы, сердоликъ, горный хрусталь, простое стекло, красный шиферъ и композиція. Для исторіи культуры края желательно бы знать: были ли всѣ названные предметы мѣстного приготовленія, или они добывались извнѣ путемъ торго-вили? Относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ можно категорически утверждать, что они привозились извнѣ; таковы напр. бусы, приготавливавшіяся изъ сердолика и горного хрустала; ни тотъ, ни другой материалъ на мѣстѣ не добывался. Относительно другихъ предметовъ почти съ такою же рѣшительностью можно утверждать, что они были мѣстного приготовленія: таковы кольца, сдѣланныя самимъ первобытнымъ способомъ изъ металлической проволоки безъ спайки; концы ихъ или оставлены свободными, или скручены узломъ, или сведены спиралью. Не такъ легко рѣшить этотъ вопросъ по отношенію къ особаго рода металлическимъ бусамъ. Бусы эти филигранной работы приготавлены какъ бы изъ тонкой проволоки и усыплены сверху мелкимъ металлическимъ бисеромъ; по объему нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ величины голубинаго яйца; онѣ или носились въ качествѣ ожерелья на шеѣ, или употреблялись для приготовленія одношипныхъ, двухшипныхъ и трехшипныхъ серегъ; приготавлялись онѣ изъ золота, серебра и бронзы. Встрѣчаясь на лѣвомъ берегу Днѣпра, онѣ особенно часто попадаются по правому его побережью, начинаясь на югѣ и простираясь въ сѣверные уѣзды Минской губерніи. Ихъ можно видѣть въ археологической коллекціи, хранящейся при Минскомъ статистическомъ комитетѣ и въ Гомельскомъ музѣѣ, помѣщающемся въ замкѣ князя Паскевича. Но особенно часто встрѣчаются онѣ въ той мѣстности, въ которой я производилъ раскопки минувшимъ лѣтомъ; въ Комаровичскомъ, напр., могильникѣ онѣ встрѣчаются почти въ каждомъ женскомъ курганѣ. Для данной мѣстности онѣ несомнѣнно составляютъ типичное явление: здѣсь къ нимъ было особое пристрастіе, здѣсь, выражаясь современнымъ языкомъ, онѣ были въ большой модѣ, такъ что собранная мною коллекція этихъ бусъ можетъ быть признана единственою въ своемъ родѣ. Въ виду сказаннаго естественно возникаетъ вопросъ: не принадлежать ли эти бусы къ числу предметовъ мѣст-

наго происхождения, т. е. не готовились ли они своими местными доморощенными мастерами? Положительному решению этого вопроса благоприятствует следующий фактъ: проволока, на которую надѣвались бусы для приготовления серегъ, есть та самая, изъ которой приготавливались и кольца; въ виду этого представляется весьма вероятнымъ предположеніе, что тамъ, где приготавливались кольца, тамъ же готовились и серьги и бусы. Мысль эта тѣмъ правдоподобнѣе, что, по мнѣнію специалистовъ, для приготовленія подобнаго рода бусъ не требуется какихъ-нибудь высшихъ техническихъ знаній; по утвержденію экспертовъ, подобную бусу легко можетъ приготовить любой Киевскій слесарь. Весьма вероятно, конечно, что первые экземпляры подобныхъ бусъ завезены были иностранными купцами, такъ что домашніе мастера научились готовить ихъ по готовымъ моделямъ. То же следуетъ сказать и о найденныхъ мною двухъ медальонахъ и о браслете, не представляющихъ въ техническомъ отношеніи ничего головоломнаго.

Въ способѣ ношенія украшений замѣчается погоня за пестротою и разнообразіемъ. Мнѣ не удалось встрѣтить ни одного ожерелья, составленного изъ однообразныхъ бусъ. Самое значительное ожерелье изъ найденныхъ мною состояло изъ слѣдующихъ бусъ: трехъ шиферныхъ, пяти сердоликовыхъ, одиннадцати стеклянныхъ золоченыхъ и семи золотыхъ привѣсокъ, которые равномерно распределены были между бусами. Настоящее ожерелье замѣчательно между прочимъ тѣмъ, что въ составъ его вошли три шиферные бусы, ничѣмъ кромѣ объема не отличающіяся отъ тѣхъ называемыхъ пряслицъ, одна изъ которыхъ оказалась въ томъ же курганѣ на своемъ мѣстѣ, т. е. у праваго бедра, где находилось разложившееся деревянное веретено. Другое выдающееся по объему ожерелье состоитъ изъ семи большихъ бронзовыхъ бусъ и шести малыхъ стеклянныхъ золоченыхъ, правильно чередующихся съ первыми. Въ послѣднемъ ожерельѣ бусы нанизаны на снурокъ, свитый изъ пяти нитокъ; часть снурка сохранилась.—Кольца, какъ замѣчено было, носились или на пальцахъ рукъ, или вплетались въ волосы. Въ одномъ курганѣ вмѣстѣ съ кольцами сохранилась прядь темно-русыхъ волосъ. Серьги прикрѣплялись къ особаго рода наушникамъ. Въ одномъ курганѣ при серьгѣ сохранилась часть кожанаго наушника, при чёмъ замѣтъ даже самый способъ прикрѣпленія серьги къ наушнику; имен-

но: серьга прикреплена къ наушнику особымъ тонкимъ ремешкомъ.

Относительно положенія скелетовъ въ могилахъ необходимо замѣтить слѣдующее. Въ раскопанныхъ мною курганахъ костяки лежали въ обычномъ для славянскихъ могилъ направлениі, т. е. головами обращены были на западъ, ногами на востокъ. Лицо покойниковъ всегда обращено было вверхъ; обѣ этомъ судить приходится главнымъ образомъ на основаніи положенія нижней челюсти, такъ какъ верхняя часть головы рѣдко сохраняетъ первоначальное свое положеніе. Уклоненіе отъ указанного направлениія въ положеніи скелетовъ встрѣчается нерѣдко; оно объясняется частію тѣмъ, что направление при погребеніи опредѣлялось на глазомѣръ, безъ компаса, частію погребеніемъ покойниковъ въ разное время года. Въ положеніи рукъ не видно какого-нибудь одного строго опредѣленнаго приема: руки оказывались или вытянутыми вдоль туловища, или сложенными у пояса то выше, то ниже, или прижатыми къ груди такъ, что кисти ихъ оказывались возлѣ ключицъ праваго и лѣваго плеча.—Въ нѣкоторыхъ могилахъ покойники погребены были, по-видимому, въ сидячемъ положеніи. Во многихъ могилахъ оказались слѣды деревянныхъ гробовъ, которые могутъ быть раздѣлены на два типа: узкіе и широкіе. Первый типъ гробовъ встрѣчался по преимуществу при погребеніи въ ямахъ; второй—при погребеніи на поверхности земли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ширина гробовъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ (1 арш. 12 в.), такъ что обыкновенный гробъ превращается въ цѣлую погребальную камеру. Узкіе гробы часто напоминаютъ своею формою выдолбленное корыто, хотя явныхъ слѣдовъ погребенія въ корытѣ нигдѣ не отыскано. Гробы приготавливались или изъ толстыхъ досокъ, или просто изъ расколотыхъ на двое бревенъ; доски иногда сколачивались желѣзными гвоздями. Въ гробахъ почти всегда ясно можно различать слѣды продольныхъ и поперечныхъ досокъ или бревенъ. Что же касается дна и верхней крышки, то относительно ихъ этого сказать нельзя. Существовалъ ли способъ погребенія безъ всякихъ гробовъ? На этотъ вопросъ съ значительной вѣроятностью можно отвѣтить: да. По крайней мѣрѣ во многихъ раскопанныхъ мною могилахъ слѣдовъ отъ гробовъ совершенно не сохранилось.

В. Завитневичъ.